

того, что редакция Д возникла из редакции Г: при последнем допущении естественнее было бы видеть указание на „наши лета“ в более раннем варианте (Г), указание, которое должно было бы быть в выброшенным, а не вставленным в вариантах более поздних. Его естественнее всего было бы видеть в том списке Г, который относится к 1459 году и который является древнейшим из всех известных нам списков „Жития Сергия“. Между тем мы видим обратное. А это показывает, что редакция Д не возникла из редакции Г, но создавалась на основе варианта, лежавшего и в основе редакции Г и в основе редакции Д. В редакции Г указание на „наши лета“ было выкинуто, так как эта редакция вообще менее богата конкретными подробностями, чем редакция Д.

В самом деле, например в третьем „чуде“, читаем: в редакции Г — „некий архимандрит“ Игнатий, в редакции Д — „архимандрит Денисиевы пещеры“ Игнатий; в четвертом „чуде“: в редакции Г — „некий человек Дмитрий именем“, в редакции Д — „некий муж от великодержавного полаты великого вельможи сын именем Дмитрие“; в пятом и шестом „чудесах“: в редакции Г — „Захария именем“, тогда как в редакции Д указано не только имя, но и „старей вельможа граду Тфере“ и фамилия „Бороздин“; в седьмом „чуде“: в редакции Г — „некий человек Симеон имя ему“, в редакции Д — „некий муж от великих купец и славных господствующему граду Москве Симеон именем“.¹

Весьма существенно, что „чудо в латинских странах“ (1441—1443) и три „чуда“, датированные 31 мая 1449 года, имеются в редакции Г и отсутствуют в редакции Д; иначе говоря, наличны в той редакции, которую принято считать более ранней, и отсутствуют в позднейшей.²

Впрочем мы полагаем, что в вопросе о соотношении между редакцией Г и редакцией Д соотношение „раньше“ и „позже“ не является главным. Главным является то, что редакция Д (или, точнее, протограф Д) служит основой для редакции Г. Написаны они могли быть почти одновременно.

Ведь всякое житие ставило себе две цели: „назидание“ и „история“. Нельзя забывать, что житие полагалось читать за всенощной и за монашеской трапезой. Текст такого жития, преимущественно преследовавший цели „назидания“, должен был естественно отличаться от текста для чтения „про себя“, от текста, имевшего целью удовлетворить любознательность древнего книжника. В „назидательной“ редакции, читаемой вслух, не нужны были фактические подробности, не нужны были сведения чисто исторического характера. Она должна была быть короче,

¹ В описании двенадцатого „чуда“ в редакции Д имеются слова: „И всем братьям предстоящим и мне недостойному Пахомию, писавшему в то время житие святого. . .“. Этих слов нет в редакции Г. Нельзя толковать это отсутствие так, что в редакции Д вспоминается о времени, когда составлялась первая редакция (Г). В сопоставлении с данными, приведенными в тексте, следует понимать это как обеднение подробностями, вообще характерное для редакции Г. „Писавшему в то время“ в редакции Д — не воспоминание об отдаленном прошлом, а простое указание, что „Житие“ еще не было кончено. Ведь в сь рассказ ведется в прошедшем времени; вот почему и сказано „писавшему в то время“, а не „пишущему ныне житие святого“.

² Яблонский (стр. 62) довольно робко пытался оспаривать мнение о хронологическом приоритете редакции Г, указав, что отсутствие в редакции Д рассказа о „чуде в латинских странах“ наводит на мысль о составлении редакции Д до 1443 года. Однако в конечном итоге он вернулся к точке зрения, ставшей традиционной, а именно, что редакция Г есть „первая Пахомиевская редакция“, а редакция Д — „вторая“.